

Содержание

От редактора

7

Дар

Глава первая

21

Глава вторая

112

Глава третья

200

Глава четвертая

282

Глава пятая

392

От редактора

Начало работы Владимира Набокова над его самым значительным русским романом «Дар» относится к первой половине 30-х годов. В письме к матери от 29 декабря 1935 года он сообщил, что закончил английский перевод «Отчаяния» и что «Теперь можно будет скоро принять<ся> за переписку моих английских реминисценций, а главное — за роман: я уже, кажется, третий год подражаю для него кирпичи»*. Не позднее 15 февраля 1934 года Набоков сочинил тематически связанный с «Даром» рассказ «Деталь орнамента» (опубликованный в марте того же года в парижских «Последних новостях» как «Рассказ»), о котором он в 70-х годах в послесловии к его английскому переводу сообщил следующее:

...по какой-то причине от главного тела романа отделился маленький спутник и принялся вращаться вокруг него. С психологической точки зрения, толчком к этому отделению могло послужить либо упо-

* The New York Public Library. W. Henry & A. Albert Berg Collection of English and American Literature / Vladimir Nabokov papers / Letters to Elena Ivanovna Nabokov.

минание о ребенке Тани в письме ее брата, либо его воспоминания о деревенском учителе в его жутковатом сновидении. По композиции круг, описываемый этим естественным последышем (последняя фраза которого имплицитно предшествует первой), относится к тому же типу «змеи, кусающей свой хвост», что и кольцевая композиция четвертой главы «Дара» (или, к примеру, «Поминок по Финнегану», опубликованных позднее). Читателю не обязательно знать содержание романа, чтобы оценить рассказ-спутник, у которого своя орбита и собственный цветной шлейф, но практическую службу могут сослужить сведения о том, что действие «Дара» начинается первого апреля 1926 года и заканчивается 29 июня 1929 года (охватывая три года из жизни Федора Годунова-Чердынцева, молодого эмигранта, проживающего в Берлине); что сестра Федора выходит замуж в Париже в конце 1926 года; что через три года у нее рождается дочь, которой в июне 1936 года всего семь лет, а не «около десяти», как позволено заключить учительскому сыну Иннокентию (за спиной у рассказчика), когда тот в «Круге» приезжает в Париж. Стоит добавить, что читателя, знакомого с романом «Дар», ждет восхитительное чувство смутного узнавания, игры теней, обогащенных новым смыслом благодаря тому, что мир видится здесь не глазами Федора, а взглядом стороннего человека, которому ближе не Федор, а российские идеалисты-радикалы старого образца (которые, к слову сказать, возненавидели большевистскую тиранию столь же люто, как и либералы-аристократы)*.

* *Набоков В.* Полное собрание рассказов / Сост., примеч. А. Бабилова. СПб., 2016. С. 704–705.

Любопытно, что в этом позднем послесловии Набоков отнес рассказ к середине 1936 года (отметив, что его «точная дата и периодическое издание <...> еще не отражены в библиографической ретроспективе»), когда значительная часть романа уже была написана, в то время как «Деталь орнамента» относится к ранней стадии сочинения «Дара», о чем сам Набоков писал к Р. Н. Гринбергу 5 ноября 1952 года:

Больше всего мне хотелось бы тебе предложить прелестный маленький королларий*, который я написал к «Дару». Это вещица в несколько страниц, называется «Круг» и построена по принципу «без начала, без конца», впоследствии употребленному Джойсом в «Fin<negan's> W<ake>». Я написал ее в 1934 году, когда сочинял схему «Дара». Она появилась довольно незаметно, в «Последних Новостях», между 1935 и 1938-м годом, а вернее всего, в 1936 году**.

Вместе с правленной рукописью рассказа сохранились наброски и заметки к нему, из которых следует, что Набоков для своего героя сперва избрал имя Годунов-Занович (возможно, с отсылкой к знаменитому авантюристу Стефану Зановичу, выдававшему себя за императора Петра III), отца его звали Кирилл или Константин Павлович Годунов-Занович, а имяние Годуновых Ле-

* Заключение, следствие; суждение, являющееся необходимым, само собой разумеющимся следствием из определенных положений. В публикации письма ошибочно: коромарий.

** «Дребезжание моих ржавых русских струн...» Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) // Публ., предисл. и коммент. Р. Янгирова // In memoriam. Исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб.–Париж, 2000. С. 378–379.

шино называлось Воскресенском (как и в «Машеньке», ближе к набоковскому Рождеству)*.

Готовя первые главы «Дара» к публикации в парижском журнале «Современные записки», Набоков 28 марта 1937 года, в пятнадцатую годовщину гибели отца, опубликовал в «Последних новостях» большой отрывок из первой главы романа под зашифрованным названием «Подарок». Как следует из письма Набокова к жене от 30 марта 1937 года, он намеревался поместить там же еще один «замаскированный отрывок» под названием «Вознаграждение», однако (2 мая) был напечатан отрывок «Одиночество»**.

В то же время «Дар» начал публиковаться в «Современных записках». Работу над ним Набоков продолжал с перерывами (в 1934 году он отложил роман ради сочинения «Приглашения на казнь») до января 1938 года и закончил книгу уже после переезда из Германии во Францию***. Журнальная публикация затянулась до конца октября 1938 года, причем редакторы целиком исключили четвертую главу, посвященную жизни Н. Г. Чернышевского. В предисловии к английскому переводу романа Набоков писал об этом досадном проявлении партийной цензуры:

* The New York Public Library. W. Henry & A. Albert Berg Collection of English and American Literature / Vladimir Nabokov papers / Manuscript box / Detal' ornamenta. Holograph draft of short story, signed. Начальная сентенция набросков к рассказу (не включенная в него) имеет отношение к теме потусторонности в «Даре» и похожа на фразу из «Трактата о тенях» вымышленного Набоковым философа Делаланда: «Как мне не нежить, не пестовать, не украшать моей земной жизни<, > которая в царстве будущего века будет служить прелестной забавой, дорогою игрушкой для моей бессмертной души».

** *Набоков В.* Письма к Вере / Предисл. Б. Бойда, коммент. О. Ворониной и Б. Бойда. М., 2017. С. 317–318.

*** *Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. Биография. СПб., 2010. С. 519.

Главный эмигрантский журнал «Современные Записки», издававшийся в Париже группой бывших эсеров, напечатал роман частями <...> но с пропуском четвертой главы, которую отвергли по той же причине, по которой Васильев (в третьей главе) отказывается печатать содержащуюся в ней биографию: прелестный пример того, как жизнь бывает вынуждена подражать тому самому искусству, которое она осуждает. Лишь в 1952 году, спустя чуть ли не двадцать лет после того, как роман был начат, появился полный его текст, опубликованный самаритянской организацией: издательством имени Чехова, Нью-Йорк. Занятно было бы представить себе режим, при котором «Дар» могли бы читать в России*.

В том же предисловии, датированном 28 марта 1962 года, Набоков коротко охарактеризовал содержание романа:

Так как мир «Дара» стал теперь таким же призрачным, как большинство других моих миров, я могу говорить об этой книге до известной степени отвлеченно. Она была и останется последним романом, написанным мной по-русски. Ее героиня не Зина, а русская литература. Сюжет первой главы сосредоточен вокруг стихотворений Федора. Во второй литературное творчество Федора развивается в сторону Пушкина, и здесь он описывает зоологические изыскания отца. Третья глава оборачивается к Гоголю, но настоящий ее стержень — любовное стихотворение, посвященное Зине.

Книга Федора о Чернышевском — спираль внутри сонета — занимает четвертую главу. В последней главе

* Перевод Веры Набоковой и Г. Барабтарло.

сходятся все предшествующие темы и намечается образ книги, которую Федор мечтает когда-нибудь написать: «Дар». Любопытно, докуда последует воображение читателя за молодыми влюбленными после того, как я дам им отставку.

<...> Эпиграф мной не выдуман. Заключительное стихотворение подражает онегинской строфе.

Как следует из писем Набокова к жене и из его поздней дневниковой записи, в начале 40-х годов, после переезда из Франции в Америку, он в Нью-Йорке обдумывал замысел второй части «Дара», «описание жизни Ф<едора> и З<ины> в Париже»*. К замыслу продолжения «Дара» относится также «Заключительная сцена к пушкинской “Русалке”», опубликованная как самостоятельное сочинение в 1942 году в «Новом журнале» (Нью-Йорк).

В 1975 году Набоков откликнулся на предложение Карла Проффера, главы американского издательства «Ардис» (Анн-Арбор), переиздать «Дар» и составил список исправлений по тексту первой полной публикации романа 1952 года: «Особо важные <исправления> отмечены красным, — писала Вера Набокова 25 августа 1975 года. — В. Н. был бы благодарен, если бы вы исправили как можно больше. Он очень рад, что вы планируете начать печатанье»**.

Немало опечаток и разного рода неточностей (пропущенные буквы, неверно расставленные или отсутствующие знаки препинания, орфографические

* Цит. по: *Бабинов А.* Прочтение Набокова. Изыскания и материалы. СПб., 2019. С. 341. Рукопись с набросками нескольких глав продолжения «Дара» опубликована там же, с. 358–388.

** Переписка Набоковых с Профферами / Публ. Г. Глушанок и С. Швабрина. Пер. с англ. Н. Жутовской // Звезда. 2005. № 7. С. 160.

ошибки и т. д.) все же не было исправлено и во втором издании «Дара», вышедшем осенью 1975 года.

Печатается по этому изданию с исправлением замеченных опечаток и с сохранением особенностей авторской транслитерации. Выделенные разрядкой слова, кроме нескольких случаев, даются курсивом.

Памяти моей матери

Роман, предлагаемый вниманию читателя, писался в начале тридцатых годов и печатался (за выпуском одного эпитета и всей главы IV) в журнале «Современные записки», издававшемся в то время в Париже*.

* Предуведомление В. Набокова.

Дуб – дерево. Роза – цветок. Олень – животное.

Воробей – птица. Россия – наше отечество.

Смерть неизбежна.

П. Смирновский.

Учебник русской грамматики

Глава первая

Облачным, но светлым днем, в исходе четвертого часа, первого апреля 192... года (иностраный критик заметил как-то, что хотя многие романы, все немецкие например, начинаются с даты, только русские авторы — в силу оригинальной честности нашей литературы — не договаривают единицу), у дома номер семь по Танненбергской улице, в западной части Берлина, остановился мебельный фургон, очень длинный и очень желтый, запряженный желтым же трактором с гипертрофией задних колес и более чем откровенной анатомией. На лбу у фургона виднелась звезда вентилятора, а по всему его боку шло название перевозчицкой фирмы синими аршинными литерами, каждая из коих (включая и квадратную точку) была слева оттенена черной краской: недобросовестная попытка пролезть в следующее по классу измерение. Тут же перед домом (в котором я сам буду жить), явно выйдя навстречу своей мебели (а у меня в чемодане больше черновиков, чем белья), стояли две особы. Мужчина, облаченный в зелено-бурое войлочное пальто, слегка оживляемое ветром, был высокий, густобровый старик с сединой в бороде

и усах, переходящей в рыжеватость около рта, в котором он бесчувственно держал холодный, полуоблетевший сигарный окурок. Женщина, коренастая и немолодая, с кривыми ногами и довольно красивым лжекитайским лицом, одета была в каракулевый жакет; ветер, обогнув ее, пахнул неплохими, но затхловатыми духами. Оба, неподвижно и пристально, с таким вниманием, точно их собирались обвесить, наблюдали за тем, как трое красновыиных молодцов в синих фартуках одолевали их обстановку.

«Вот так бы по старинке начать когда-нибудь толстую штуку», — подумалось мельком с беспечной иронией — совершенно, впрочем, излишнюю, потому что кто-то внутри него, за него, помимо него, все это уже принял, записал и припрятал. Сам только что переселившись, он в первый раз теперь, в еще непривычном чине здешнего обитателя, выбежал налегке кое-чего купить. Улицу он знал, как знал весь округ: пансион, откуда он съехал, находился невдалеке; но до сих пор эта улица вращалась и скользила, ничем с ним не связанная, а сегодня остановилась вдруг, уже застывая в виде проекции его нового жилища.

Обсаженная среднего роста липами с каплями дождя, расположенными на их частых черных сучках по схеме будущих листьев (завтра в каждой капле будет по зеленому зрачку), снабженная смоляной гладью саженой в пять шириной и пестроватыми, ручной работы (лестной для ног) тротуарами, она шла с едва заметным наклоном, начинаясь почтамтом и кончаясь церковью, как эпистолярный роман. Опытным взглядом он искал в ней того, что грозило бы стать ежедневной зацепкой, ежедневной пыткой для чувств, но, кажется, ничего такого не намечалось, а рассеянный

свет весеннего серого дня был не только вне подозрения, но еще обещал умягчить иную мелочь, которая в яркую погоду не преминула бы объявиться; все могло быть этой мелочью: цвет дома, например, сразу отзывающийся во рту неприятным овсяным вкусом, а то и халвой; деталь архитектуры, всякий раз экспансивно бросающаяся в глаза; раздражительное притворство кариатиды, приживалки, — а не подпоры, — которую и меньшее бремя обратило бы тут же в штукатурный прах; или, на стволе дерева, под ржавой кнопкой, бесцельно и навсегда уцелевший уголок отслужившего, но не до конца содранного рукописного объявления — о расплыве синеватой собаки; или вещь в окне, или запах, отказавшийся в последнюю секунду сообщить воспоминание, о котором был готов, казалось, завопить, да так на углу и оставшийся — самой за себя заскочившею тайной. Нет, ничего такого не было (еще не было), но хорошо бы, подумал он, как-нибудь на досуге изучить порядок чередования трех-четырёх сортов лавок и проверить правильность догадки, что в этом порядке есть свой композиционный закон, так что, найдя наиболее частое сочетание, можно вывести средний ритм для улиц данного города, — скажем: табачная, аптекарская, зеленная. На Танненбергской эти три были разобщены, находясь на разных углах, но, может быть, роение ритма тут еще не настало, и в будущем, повинувшись контрапункту, они постепенно (по мере прогорания или переезда владельцев) начнут сходиться: зеленная с оглядкой перейдет улицу, чтобы стать через семь, а там через три, от аптекарской, — вроде того, как в рекламной фильме находят свои места смешанные буквы, — причем одна из них напоследок как-то еще переворачивается, поспешно

встав на ноги (комический персонаж, неприменный Яшка Мешок в строю новобранцев); так и они будут выжидать, когда освободится смежное место, а потом обе наискосок мигнут табачной — сигай сюда, мол; и вот уже все стали в ряд, образуя типическую строку. Боже мой, как я ненавижу все это, лавки, вещи за стеклом, тупое лицо товара и в особенности церемониал сделки, обмен приторными любезностями, до и после! А эти опущенные ресницы скромной цены... благородство уступки... человеколюбие торговой рекламы... все это скверное подражание добру, — странно засасывающее добрых: так, Александра Яковлевна признавалась мне, что, когда идет за покупками в знакомые лавки, то нравственно переносится в особый мир, где хмелеет от вина честности, от сладости взаимных услуг, и отвечает на суриковую* улыбку продавца улыбкой лучистого восторга.

Род магазина, в который он вошел, достаточно определялся тем, что в углу стоял столик с телефоном, телефонной книжкой, нарциссами в вазе и большой пепельницей. Тех русского окончания папирос, которые он предпочтительно курил, тут не держали, и он бы ушел без всего, не оказись у табачника крапчатого жилета с перламутровыми пуговицами и лысины тыквенного оттенка. Да, всю жизнь я буду кое-что добирать натурой в тайное возмещение постоянных переплат за товар, навязываемый мне.

Переходя на угол в аптекарскую, он невольно повернул голову (блеснуло рикошетом с виска) и увидел — с той быстрой улыбкой, которой мы приветствуем радуго или розу, — как теперь из фургона вы-

* Сурик — красно-оранжевая или красно-коричневая краска.